Т.Р.Писарская, Хо Сяоцзюн, Н.Е.Якименко

РУССКИЕ ПАРЕМИИ И ПРИМЕТЫ С КОМПОНЕНТОМ-ОРНИТОНИМОМ В УЧЕБНОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ. СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ (НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

Лингвокультурология — это относительно молодая наука, разрабатывающая свой терминологический аппарат и осваивающая новые способы описания фразеологического материала. Аксиологический вектор, ментальные установки культуры, культурный код — это термины, значение которых уточняется на конкретном лингвистическом материале. Рассматриваются паремии и приметы с компонентом — орнитонимом как средство репрезентации культуры русского и китайского языков. Целью описания лингвокультурологического потенциала орнитонимов является определение объёма описания этих единиц в учебном словаре. Представлены результаты современного определения таких терминов как лингвокультурология, лингвокультурология, картина мира, орнитоним, пословица, примета, внутренняя форма фразеологизма, лингвокультурологический анализ, ментальные установки культуры, аксиологический вектор орнитонима. Автор ставит вопрос о необходимости описания аксиологического вектора орнитонима, отражающего изменения, произошедшие в результате утраты религиозной составляющей в мифологической структуре концепта (на примере орнитонимов (голубь, воробей)). Утверждается, что определение оценочной коннотации должно опираться не только на литературные и словарные материалы, должны учитываться результаты опроса носителей языка. Доказывается, что в словаре лингвокультурологического типа должна быть представлена информация, основанная на результатах предварительно проведенного лингвокультурологического анализа не только паремий, но и примет. Для словаря лингвокультурологического типа важно не только описание лингвистических и культурологических лакун, но и сопоставление единиц двух языков с большой номинативной плотностью (ласточка, лебедь).

Ключевые слова: паремия, примета, орнитоним, учебный словарь, лингвокультурология, мифологический образ, стереотипное представление

Стереотипы орнитологического культурного кода для национального языкового сознания являются наиболее востребованными при описании языковой картины мира. Одним из наиболее продуктивных базовых образов является образ птицы. Родовое название — птица (и компоненты — наименования, с этим образом связанные) выступают в качестве активного средства номинации орнитологического кода: **птица:** *как птицы небесные, велика/невелика птица, стрелянная птица, синяя птица, птица высокого/низкого полёта;* **крыло:** *взять под своё крыло, дать крылья, крылья выросли, встать на крыло, нужно как птице крылья, опускать крылья, под крылом, подрезать крылья, расправить крылья, махать крыльями;* **гнездо:** *вить гнездо, одного гнезда птицы, выпорхнуть (вылететь) из гнезда, вытолкнуть из гнезда;* **клюв:** *щелкать клювом;* **клетка:** *жить в золотой клетке.*

Вместе с видовыми названиями птиц (воробей, ворона, кукушка, лебедь, орёл, сова, филин и т.д.) с внутренней формой, мотивированной образом птицы, в русском языке насчитывается около 1000 фразеологических единиц (вместе с паремиями и приметами). В китайском языке нам удалось собрать около 800 фразеологических единиц с компонентом — орнитонимом.

Интернет-опрос носителей русского языка в качестве наиболее актуальных ассоциаций определил следующие: ворона — проворонить, накаркать; сойка — воронка; «кашу варила, деток кормила»; жаворонки — люди, которые встают рано утром; совы — люди, которые вечером поздно ложатся спать; аист — приносит детей; дятел — долбит, как дятел; стукач; голубь — голубь мира; почтовые голуби; утка — запустить утку, газетная утка, подсадная утка; кукушка — «сколько лет мне осталось жить?»; плохая мать.

Описанием подобного языкового материала и его соотношения с менталитетом и культурой народа занимается лингвокультурология. Это относительно молодая наука, которая исследует определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности. Лингвокультурология изучает язык как хранилище культуры, способ отражения образа мышления человека, языковую картину мира [1, с. 271]. Под картиной мира в современной науке понимается целостный образ мира как совокупность ценностных представлений человека, раскрывающих особенности его мировидения.

В своей работе мы рассматриваем паремии и приметы с компонентом-орнитонимом как средство репрезентации культуры русского и китайского языков. Пословицы мы будем понимать как «фразеологизмы со структурой предложения, имеющие в своём значении идею всеобщности, иллюкативную семантику рекомендации или совета (нравоучения) и характеризующиеся относительной дискурсивной самостоятельностью» [2, с. 69]. Приметы Е.Г.Павлова определяет как «паремию (предельно простой и легкий для восприятия текст) с доминантной прогностической функцией» [3, с. 295]. А.Н.Афанасьев отмечает, что приметы «всегда указывают на какое-нибудь соотношение, большую часть уже непонятное для народа, между двумя явлениями мира физического и нравственного, из которых одно служит предвестием другого,

непосредственно за ним следующего, долженствующего сбыться в скором времени» [4, с. 63]. По мнению Т.Г.Никитиной, «приметы — это разновидность паремий, максимально близких к пословицам по способности выражать умозаключения. Они употребляются в речи для указания на сложную «систему связей прошлого и будущего, познаваемого и непознанного» [5, с. 74]. Представленные точки зрения позволяют сделать вывод о том, что народные приметы, являясь неотъемлемой частью народного фольклора, выражают специфические национальные черты. В русской лингвистике приметы синтаксически близки пословицам. Но приметы не способны выражать умозаключение, назидание в рамках обобщенного значения, как пословицы. Семантическая структура примет обусловлена их двухкомпонентной логической структурой: первая часть — это наблюдение, а вторая часть — прогноз, в отличие от пословиц, которые, как правило, данной особенностью (прогностической) не обладают [3]. В китайском языке приметы выступают как часть пословичного корпуса устойчивых единиц. Именно эти различия (паремия — назидание, примета — наблюдение и прогноз) оказывают влияние на способы толкования этих единиц в учебных лингвокультурологических словарях. В толковании русских паремий на фоне их китайских аналогов хороший результат обеспечивается объединением их в рамках определённых ментальных установок культуры:

УК: Человек должен стремиться к себе подобным:

Русск.: *От ворон отстала, а к павам не пристала; От одних отстал, к другим не пристал — ни пава, ни ворона* [6, с. 154]

Кит.: *鸪鸽不能伴鹰飞, 乌鸦不与凤凰栖。 — Домашний голубь не может летать вместе с орлом/соколом; а ворона не может жить вместе с фениксом* [7, с. 41]; *孔雀乌鸦不同林, 好人坏人不合群。 — Павлин и ворона не живут в одном лесу, хороший и плохой человек не входят в одну группу* [7, с. 469].

В толковании примет хороший результат дает объединение их по тематическому принципу (сельскохозяйственные приметы, бытовые и погодные приметы, сновидения):

Бытовые приметы с орнитонимом ласточка в двух языках:

	Русский		Китайский
ласточка	к счастью (4)	к смерти:	к счастью
ка	к успеху (3)	(1)	(2)
		к несчастью:	
		(1)	

Объединяют эти две группы единиц наличие в их составе орнитонимов. Соотношение с кодами культуры происходит путём интерпретации пословицы через ключевое слово единицы, в нашем случае — это орнитоним. О.Б.Симакова определяет орнитоним (от греч. *ornis* ‘птица’, *onima* ‘имя, название’) как «номинативную единицу, представленную отдельным словом или сочетанием слов, которая служит для выделения, индивидуализации и идентификации именуемой птицы среди других птиц»¹. Орнитонимы отображают национальную культуру, мировосприятие носителей языка, имеют культурную значимость, которая проявляется в коннотациях, оценках, бытующих в данной лингвокультуре, ассоциациях и стереотипных представлениях носителей языка. Эта культурная значимость и представляет собой лингвокультурологический потенциал языковой единицы [8, с. 37]. Паремии с компонентом — орнитонимом становятся ценным источником лингвокультурной информации, способом описания культурных кодов двух народов.

Орнитонимы имеют различную фразеобразовательную активность, формируя от одной до нескольких фразеологических единиц и пословиц. Для анализа отбирались группы единиц с большой номинативной плотностью орнитонимов в различных разрядах фразеологизмов (паремии, устойчивые сравнения, приметы) в дух языках. Так орнитоним *аист* практически не встречается в составе паремий в обоих языках; девять раз встречается в русском языке в составе устойчивых сравнений и десять раз в составе примет. ВОРОБЕЙ, соответственно, — 40:30:40; ГОЛУБЬ — 10:25:30; ЛАСТОЧКА — 15:10:35; ЛЕБЕДЬ — 10:20:20. По номинативной плотности эти компоненты в составе китайских единиц практически идентичны: ВОРОБЕЙ, — 60:5:40; ГОЛУБЬ — 20:3:3; ЛАСТОЧКА — 12:8:50; ЛЕБЕДЬ — 4:3:0. По численности выделяются группы примет с компонентами *ласточка* и *воробей*. В группах с высокой номинативной плотностью нас интересовали расхождения в стереотипных и мифологических предпочтениях обоих народов. Под *номинативной плотностью*, вслед за В.И.Карасиком, мы понимаем «степень детальности языкового обозначения определенного концептуального пространства, детализацию обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [9, с. 112].

Цель работы — выявить лингвокультурологический потенциал этих единиц для определения объема информации, необходимой для представления в учебном словаре лингвокультурологического типа. Под термином *словарь лингвокультурологического типа* подразумевается «совокупность разнородных по своему содержанию лексикографических источников, ставящих перед собой задачу отражения культурной информации на основании результатов анализа языковых единиц» [10, с. 39]. Материалом для исследования послужили данные толковых, этимологических и этнолингвистических словарей русского языка, словарей русских пословиц и примет, иллюстративные примеры сайта «Национальный корпус русского языка» [11].

Лингвокультурология — это направление лексикографии, в котором «сочетаются лингвистические сведения с информацией об обозначаемых языковыми единицами культурных реалиях, а также фиксируются представления, образы, ассоциативные связи, существующие в сознании носителей русского языка. Объектом описания в таких словарях являются различные языковые единицы, выражающие национальные культурно значимые реалии и / или репрезентирующие культурные концепты» [10, с. 38].

Проблемами лингвокультурологического анализа, определением составляющих его компонентом, занимались: Е.И.Зиновьева, Н.П.Сидорова, О.А. Плахова, Н.Ю.Костина, О.Б.Симакова, Е.В.Ратушная, А.С.Савенко, Л.В.Амелина, Л.А.Манерко.

Лингвокультурологический анализ орнитонимов становится отправной точкой, базой для лексикографического описания этих единиц в учебных лингвокультурологических словарях. Лингвокультурологический анализ в настоящее время, включает следующие этапы:

1) описание этимологии существительного-наименования птицы с целью раскрытия внутреннего образа единицы;

2) выявление мифологической составляющей орнитонима в русской ментальности (характерные архетипические мотивы в представлении о птице);

3) описание стереотипного представления об орнитониме;

4) анализ ассоциаций, связанных со стимулом-наименованием птицы;

5) анализ паремнологических единиц (примет) с компонентом *орнитонимом*;

6) рассмотрение прецедентных текстов, включающих исследуемое существительное;

7) сопоставление с китайскими аналогами.

Внутренняя форма фразеологизма — это осознаваемая говорящими мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его лексем или исходным значением того же слова, т. е. «образ или идея, положенные в основу номинации и задающие определенный способ построения заключенного в данном слове концепта» [12, с. 46]. Внутренняя форма — «след» того процесса, при помощи которого языком было создано данное слово, «сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова» [13, с. 113]. Так орнитоним *лебедь* является древнерусским по происхождению. Слово известно в русском языке с XI века, ведёт своё происхождение от индоевропейской основы *lebedь* в значении «белый» [14, с. 469-471]. В современном русском языке слово означает «большая водоплавающая птица семейства утиных с длинной, красиво изогнутой шеей» [15, с. 309].

Мифологичность орнитонима обоснована, как правило, целостным представлением национальной мифологической картины мира, которая рассматривается нами как «первая форма познания мира, запечатленная в языке и соответствующих текстах (обычно устных), это целостное миропонимание, в котором различные представления увязаны в единую образную картину мира, сочетающую в себе реальность и фантазии, естественное и сверхъестественное, знание и веру, мысль и эмоции» [16, с. 39].

Интернет-опрос позволил выявить народные представления, понятные орнитологические образы, зафиксированные в пословицах и приметах, известные носителям современного русского и китайского языков.

Далее необходимо показать, если это возможно, каким образом орнитоним выступает как стереотипный образ. По М.Л.Ковшовой, стереотип — это некоторое представление фрагмента окружающей действительности, «фиксированная ментальная “картинка”, являющаяся результатом отражения в сознании личности “типového” фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира» [17, с. 126]. Так для большинства носителей русского языка распространено стереотипное мнение о существовании чистых (святых, добрых) и нечистых (дьявольских, злых) птиц, совпадающее с оппозицией хищный — нехищный. К нечистым птицам относят *ворону, ворона, сороку, ястреба*, всех ночных птиц — *сыча, сову, филина*. К чистым птицам относятся: *голубь, ласточка, лебедь, аист*. Опрос показал, что это противопоставление затрагивает не всех птиц; таких птиц как *жаворонок, соловей, сокол*; практически всех птиц, объединенных интегральной семьей ‘содержатся в хозяйстве человека и разводятся в хозяйственных целях’ — *курица, петух / кочет, гусь, утка, индюк, индейка*; домашних птиц, объединенных интегральной семьей ‘декоративные птицы’ (*канарейка, павлин, попугай*) — это противопоставление практически не касается. К тому же забвение мифологической составляющей может привести к переходу орнитонима из одной группы в другую, как например произошло с единицами *голубь, утка, воробей*.

В русском языке письменные источники относят *воробья* к нечистым птицам (по народным поверьям *воробей* выдал Христа преследователям своим чириканьем) и связывают эту оценку с религиозными мифами; опрос показал, что современные носители языка никак не связывают этот орнитоним с мифами и оценивают эту птицу нейтрально или положительно. Стереотипы восприятия, таким образом, могут меняться. В китайской культуре образ *воробья* тоже неоднозначен. *Воробьев* тоже не очень любили, но причина другая: они уничтожают урожай и зерно (*Стая воробьев опустится — и нет даня зерна; Лучшие разводить голубей, чем воробьев*). В 1958 году в Китае уничтожили всех *воробьев*, уже в 1960 году саранча и гусеницы сожрали все сельхозкультуры, в стране начался голод. *Воробьев* доставляли в Китай целыми вагонами. Теперь уже начали пировать птицы — нигде больше в мире не было такой кормовой базы, как невероятные популяции насекомых, буквально покрывших Китай. С тех пор в Китае особенно — трепетное — отношение к *воробьям*.

Как и другие птицы, *воробей* предсказывает погоду во многих приметах. Наблюдая за поведением *воробьев*, люди делали определённые выводы о характере погоды: к хорошей погоде (к ясной погоде, к теплу):

Воробьи веселы, подвижны, драчливы — к хорошей погоде [6, с. 316]; *Стаи воробьев начинают вить гнезда — к хорошей погоде* [6, с. 317].

Кит.: 斑鳩叫 · 天下雨; 麻雀噪 · 天要晴。— *Горлица кричит, дождь будет, воробей чирикает, небо прояснится* [7, с. 22]; По мнению китайцев, если воробьи спокойно летают и играют во дворе, для семьи это предвещает удачу и счастье. Если воробьи громко кричат и дерутся — к пожару, чуме, несчастью и т.п. [18, с. 185]. Поскольку приметы опираются исключительно на наблюдения за поведением птиц, то «русские» воробьи мало чем отличаются от «китайских». Приметы в двух языках практически совпадают.

Стереотипы часто опираются на мифологическую составляющую: *голубь, ласточка, лебедь, аист* — это птицы чистые, святые, добрые: голубь — в виде голубя Святой Дух сошёл на землю во время крещения Христа. Голубь, особенно белый, отождествлялся со Святым Духом; ласточка — согласно легендам, она старалась отвести преследователей от того места, где прятался Христос; аист — в сказках он выступает как охранитель земли от гадов, змей, жаб и нечистой силы. В христианской символике «аист как истребитель змей является противником дьявола и вследствие этого символом Христа» [19, с. 647; 20, с. 96]; символом чистоты и верности становится в русской мифологии *лебедь*.

На примере орнитонима *лебедь* можно показать, как трудно разделить на практике такие понятия как мифологическая и стереотипно-символьная составляющая, в пределах словарной статьи это разграничение очень условно. Орнитоним имеет положительную коннотативную окраску в менталитете русских, а дальше в статье следует объяснение, почему: 1. У ряда славянских народов лебедь, как и аист *связан с деторождением* (аист проносит детей только летом, а в остальное время это делает лебедь); 2. Практически у всех славян лебедь является *символом верности* (семейная пара лебедей неразлучна и моногамна, каждый хранит верность другому, даже в случае смерти одного из них); 3. Лебедь является вестником *весны* и тепла (если первый лебедь летит низко, говорят *Лебедь низко — весна близко*); 4. Лебедь репрезентирует *женскую символику*. [19, с. 678; 20, с. 88-89] Это и красавица невеста — лебёдушка и молодая женщина — жена: *И жена как лебедь — птица вывела детей станицу (вереницу)* [21, с. 307]. Перечисленные когнитивные признаки (отдельные признаки объекта, осознанные человеком) в мифологической структуре концепта *лебедь* демонстрируют положительную стереотипно-символьную составляющую данного орнитонима.

Утрата одного из когнитивных признаков концепта может привести к смене аксиологического вектора орнитонима. В качестве примера возьмём орнитонимы *голубь, воробей, ласточка, аист*.

Данные НКРЯ и интернет-опрос носителей языка показали, что из мифологической составляющей уходит когнитивная, связанная с религиозным кодом культуры, т.е. представление о голубе как о воплощении Святого Духа. Приведём наиболее частотные примеры из Национального корпуса русского языка:

1. Существует легенда, что Ноев ковчег вынесло на вершину этой горы, и когда вода всемирного потопа стала отступать, *голубь принёс ветку оливкового дерева* и вдали показалась суша... [Сати Спивакова. Не всё (2002).]

2. — Что, почему? — *Голубь* — это *символ мира!* А кто вам подаёт этого голубя? [И.Э.Кио. Иллюзии без иллюзий (1995—1999)]

3. Это же, говорит, голубь, голубица, Христова птица, про них в писании сказано: *«Незлюбивы, яко голуби»*. [Ю.О.Домбровский. Хранитель древностей, часть I (1964)]

4. По данным издания, *голубь запачкал* три четверти поверхности холста, а также часть рамы, которая украшена золотом. [Раздел «Культура». *Голубь испачкал пометом* шедевр XVII века в Милане // gazeta.ru, 2018.10.14]

5. На них все наглядно: жирный, наглый, явно *враждебный голубь* и рука, мечущая перед ним просо. [Татьяна Брицкая. В Мурманске за кормление бездомных животных предложили ввести штрафы // Новая газета, 2017.09.24]

Положительная аксиологическая оценка орнитонима *голубь*, бытовавшая в XX веке, в XXI веке постепенно меняется на отрицательную: ослабевает и теряется связь с религиозным кодом культуры и усиливается бытовая составляющая концепта. Приведём наиболее частотные ответы интернет-опроса: *птица мира; белые голуби на свадьбе; фильм «Любовь и голуби»; парк, улицы, бабушки с хлебом; обитатели городов; везде их полно, слетаются мгновенно, когда кто-то выносит корм и начинает рассыпать; гадят на балконах, мусор, городские птицы; голубь, конечно, считается птицей мира, но, если твоя машина белая — нагадят черным, если черная — нагадят белым*.

Орнитоним *воробей*, наоборот, как мы уже отмечали, вследствие ослабления религиозной составляющей поменял аксиологический вектор с отрицательного на нейтральный и положительный.

Орнитонимы *ласточка* и *аист* в современном русском языке тоже утратили связь с религиозным кодом культуры (по результатам опроса носителей языка), но положительную когнитивную характеристику сохранили:

1. Говорить о том, какая она умница и красавица, спортсменка и хозяйка, *ласточка* и касаточка! [Андрей Агишев agishev. Записи в Живом Журнале // 2013]

2. Он соглашался, хотя видел — номер совсем не так прекрасен, как ей кажется — тесно, на самом краю покрывала проступало желтоватое пятно, пепельница на столе была тоже с неотмываемым серым дном, но блаженны, блаженны не видящие, он уже вдыхал ее запах, жадно целовал шею, зарывался лицом в ее грудь, и

она замолчала, затрепетала, потянулась к нему всей собой, любимая моя девочка, *ласточка* моя. [Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012]

Ласточку, по данным культурологических словарей, славяне относят к чистым, святым птицам. Ласточки, по легенде, (1) помогали Христу, отводили от него преследователей, вынимали колючие терния из тернового венца, приносили Ему воду; (2) повсеместно считается, что гнездо ласточки под крышей несёт дому счастье и благодать. Ласточка, залетевшая в окно, приносит счастье, а не смерть. Ласточке присущи функции покровительницы дома и скота. Гнездо ласточки оберегает дом от молнии; (3) ласточка символизирует женское начало, и сегодня принято ласковое обращение к близкой, любимой женщине — ласточка; (4) в народных сказаниях ласточку называют «ключницей»: она приносит из-за моря «золотые ключи», которыми замыкает зиму и отмыкает лето; она вестница весны — *ласточка весну начинает, а соловей кончает* [6, с. 473]. В символике ласточки преобладают положительные коннотации, вероятно поэтому, при утрате связи с религиозным кодом, этот орнитоним не меняет своего аксиологического вектора. Орнитоним *ласточка* почти не участвует в образовании паремий русского языка, он встречается в сравнительных оборотах и очень часто - в приметах (летать как ласточка, броситься ласточкой, как у ласточки в гнезде). В русском языке этот орнитоним используется при обращении к любимой девушке, для описания её внешности и походки, в китайском языке с ласточкой сравнивают мужчину, который в совершенстве овладел приёмами кун-фу.

В сознании китайцев образ ласточек в основном положительный, она считается птицей, **приносящей удачу**. Как и русские, китайцы верят, что гнездо ласточки приносит в дома достаток, счастье и покой, его необходимо оберегать от разорения всеми силами.

Поведение ласточек также способно предсказать **погоду**:

Рус.: *Ласточка вьется над самой землей при этом щебечет — к дождю; Ласточки летают (шныряют) низко — на дождь; Ласточки порхают над водой — к дождю; Ласточки летают низко — к грозе; Ласточка ловит рыбешку — жди грозы* [22, с. 425].

Кит.: 燕子低飞·大雨来临。— *Ласточка низко летает — к сильному дождю; 燕子飞得低·来日要下雨。— Ласточка низко летает, завтра будет дождь; 燕低飞·披蓑衣。— Ласточка низко летает — надень дождевой плащ* [7, с. 1138].

АИСТ, так же, как и ласточка, жаворонок и соловей в славянской мифологии — почитаемая, «божья» птица. Положительная коннотация базируется на представлении об аисте, как об «истребителе змей, охранителе дома от пожара и молнии». Самая главная функция птицы в мифологии состоит в том, что аист приносит детей [20, с. 96].

Приведём примеры из НКРЯ:

1. Свил аист гнездо над домом — это добрая примета. [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)]
2. «Принёс аист»... после этого ответа я перестала интересоваться этим и позже узнала об этом от доброго пьяного прохожего) хы-хыыы [Тайны детства (форум) (2006)]
3. Ой, а мне так намекали, мол, что не капуста, не аист и не магазин... [Тайны детства (форум) (2006)]
4. Какое-то время, лет до 5 я думала, что меня аист принес, а потом сама догадалась, так как, видя женщин с животом, я спрашивала у мамы, почему они такие толстые, и мама мне говорила, что у нее внутри есть маленький ребеночек. [Тайны детства (форум) (2006)]
5. Мне говорили... «аист принёс»... [Тайны детства (форум) (2006)]
6. Потом говорили, что меня аист принес на порог. [Тайны детства (форум) (2006)]
7. И вот откуда они (дети) берутся зимой? Аисты давно улетели, а капусту уже всю заквасили [Тайны детства (форум) (2006)].

Орнитоним *аист* является лакуной в китайском паремиологическом материале. В китайской культуре он занимает незначительную позицию, нам удалось обнаружить только одну примету: 鹤鸟仰鸣晴, 俯鸣雨 *Аист кричит, глядя вверх — погода разъяснится, а кричит, глядя вниз — дождь пойдёт*. Гораздо больше внимания китайцы уделяют журавлю, который репрезентирует религиозную (даосизм) составляющую мифологических представлений.

Представляется, что результаты проведенного анализа могут быть использованы для расширения статьи словаря лингвокультурологического типа: уже существующие способы описания орнитонимов, т.е. 1) описание этимологии орнитонима; 2) выявление мифологической составляющей концепта [23, 24]; 3) вербализация стереотипного представления об объекте [25-27]; 4) анализ ассоциаций, связанных со стимулом — орнитонимом в русском языковом сознании; 5) рассмотрение прецедентных текстов, включающих исследуемое существительное, — можно дополнить следующими компонентами: описание аксиологического вектора орнитонима; сопоставление русских и китайских *паремий* на основе ментальных установок культуры; сопоставление русских и китайских *примет* на основе их тематической группировки; объединение в рамках одной словарной статьи паремий и примет, как взаимодополняющих друг друга единиц.

В первую очередь внимание при составлении учебных лингвокультурологических словарей уделяется лакунам, как очевидным факторам, нарушающим коммуникацию. Сопоставление единиц с большой номинативной плотностью заслуживают не меньшего внимания, поскольку они отображают процесс закрепления в культуре национальных символов и стереотипов, которые в силу различий в историческом, мифологическом и религиозном развитии, не совпадают у русского и китайского народов.

Примечание

1. Симакова О. Б. Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» (на материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2003. С. 11.
1. Сабитова З.К. Лингвокультурология: учебник. 3-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2019. 523 с.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008. 656 с.
3. Павлова Е.Г. Опыт классификации народных примет // Паремнологические исследования. М.: Наука, 1984. С. 294-299.
4. Афанасьев А.Н. Живая вода и вешее слово. М.: Советская Россия, 1988. 512 с.
5. Никитина Т.Г. Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения. Псков: ПГПУ, 2008. 256 с.
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ЗАО Олма Медиа Групп, 2010. 1024 с.
7. 温端政. 中国谚语大全辞海版 (全两册). 上. 上海: 上海辞书出版. 2004, 1371页 (Вэнь Дуаньчжэн. Полный свод пословиц Китая: В 2 ч. Ч. 1. Шанхай: Шанхайское словарное издательство, 2004. 1371 с.).
8. Зиновьева Е.И. Культурная значимость орнитонима в аспекте лексикографического // Научный диалог. 2016. № 2(50). С. 36-51.
9. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 405 с.
10. Зиновьева Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике: Учебник. СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. 182 с.
11. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электр. ресурс]. URL: [http:// www.ruscorpora.ru/](http://www.ruscorpora.ru/) (дата обращения: 20.01.2022).
12. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
13. Маслов Ю.С. Мотивировка слова // Он же. Введение в языкознание. М.: Академия, 2007. С. 111-116.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. СПб.: Терра Азбука, 1996. 672 с.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2017. 896 с.
16. Пименова М.В. Языковая картина мира: учеб. пособие. 4-е изд., доп. М.: ФЛИНТА, 2014. 108 с.
17. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Код культуры. Изд. 3-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. 456 с.
18. 刘锡诚, 王文宝. 中国象征辞典. 天津: 天津教育出版社. 1991, 385页 (Лю Сичэн, Ван Вэньбао. Словарь китайских символов).
19. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: ИНДРИК, 1997. 912 с.
20. Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 1 / Под ред. Н.И.Толстого. М.: Международные отношения, 1995. 584 с.
21. Пословицы русского народа: сборник В.И.Даля. М.: Медиа, 2004. 814 с.
22. Никитина Т.Г., Иванова Н.Н., Роголева Е.И. Большой словарь примет. М.: АСТ: Астрель, 2009. 687 с.
23. Ани Рахмат, Якименко Н.Е. Самые интересные пословицы о семье в индонезийской и русской культуре. Идеографический объяснительный словарь. Индонезия. Бандунг: Umpad Press, 2018. 150 с.
24. Цю Сюеин, Якименко Н.Е. Словарь паремий русского и китайского языков о труде и лени. Учебный лингвокультурологический словарь. СПб., 2021. 111 с.
25. Фэйлина Мицзити, Цуй Лулу, Якименко Н.Е. Русско-китайский словарь перифраз. Учебный лингвокультурологический словарь. СПб., 2021. 103 с.
26. Ани Рахмат, Якименко Н.Е. Названия животных в пословицах и поговорках русского и индонезийского языков. Лингвокультурологический словарь. Индонезия. Бандунг: Umpad Press, 2021. 230 с.
27. Ани Рахмат, Якименко Н.Е. Фитонимы в пословицах и поговорках русского и индонезийского языков. Лингвокультурологический словарь. Индонезия. Бандунг: Umpad Press, 2021. 160 с.

References

1. Sabitova Z.K. Lingvokulturologiya: uchebnik [Cultural linguistics: textbook]. Moscow, 2019. 523 p.
2. Baranov A.N., Dobrovolskiy D.O. Aspekty teorii frazeologii [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow, 2008. 656 p.
3. Pavlova E.G. Opyt klassifikatsii narodnykh primet [Experience in the classification of folk signs]. In: Paremiologicheskie issledovaniya. Moscow, 1984, pp. 294-299.
4. Afanas'ev A.N. Zhivaya voda i veshchee slovo [Living water and a prophetic word]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1988. 512 p.
5. Nikitina T.G. Russkie paremii: novye formy, novye smysly, novye aspekty izucheniya [Russian proverbs: new forms, new meanings, new aspects of study]. Pskov, 2008. 256 p.
6. Mokienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaeva E.K. Bol'shoy slovar' russkikh poslovits [A large dictionary of Russian proverbs]. Moscow, 2010. 1024 p.
7. 温端政. 中国谚语大全辞海版 (全两册). 上. 上海: 上海辞书出版. 2004, 1371页 (Ven' Duan'chzhen. Polnyy svod poslovits Kitaya: V 2 ch. Ch. 1 [A complete set of Chinese proverbs]. Shankhay, 2004. 1371 p.).
8. Zinov'eva E.I. Kul'turnaya znachimost' ornitonima v aspekte leksikograficheskogo [Cultural significance of the ornithonym in terms of lexicographic representation]. Nauchnyy dialog, 2016, no. 2(50), pp. 36-51.
9. Karasik V.I. Yazykovye klyuchi [Language Keys]. Moscow, 2009. 405 p.
10. Zinov'eva E.I. Lingvokulturologiya: ot teorii k praktike: Uchebnik [Cultural linguistics: from theory to practice. Textbook.]. St. Petersburg, 2016. 182 p.
11. NKRYa — Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. Available at: [http:// www.ruscorpora.ru/](http://www.ruscorpora.ru/) (accessed: 20.01.2022).
12. Zaliznyak A.A. Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya [Polysemy in language and ways of its representation]. Moscow, 2006. 672 p.
13. Maslov Yu.S. Motivirovka slova [Motivation of the word]. In: Vvedenie v yazykoznanie. Moscow, 2007, pp. 111-116.
14. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language] in 4 vols, vol. 2. St. Petersburg, 1996. 672 p.
15. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 2017. 896 p.
16. Pimenova M.V. Yazykovaya kartina mira [Language picture of the world]. Moscow, 2014. 108 p.
17. Kovshova M.L. Lingvokulturologicheskii metod vo frazeologii: Kod kul'tury [Linguistic and cultural method in phraseology: Code of culture]. Moscow, 2016. 456 p.
18. 刘锡诚, 王文宝. 中国象征辞典. 天津: 天津教育出版社. 1991, 385页 (Lyu Sichen, Van Ven'bao. Slovar' kitayskikh simvolov [Dictionary of Chinese symbols]).

19. Gura A.V. Simvolika zhivotnykh v slavyanskoj narodnoj traditsii [The symbolism of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow, 1997. 912 p.
20. Tolstoy N.I., ed. Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar' [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary] in 5 vols, vol.1. Moscow, 1995. 584 p.
21. Poslovitsy russkogo naroda: sbornik V.I.Dalya [Proverbs of the Russian people: a collection of V.I.Dahl]. Moscow, 2004. 814 p.
22. Nikitina T.G., Ivanova N.N., Rogaleva E.I. Bol'shoj slovar' primet [A large dictionary of folk signs]. Moscow, 2009. 687 p.
23. Ani Rakhmat, Yakimenko N.E. Samye interesnye poslovitsy o sem'e v indonezijskoj i russkoj kul'ture. Ideograficheskiy ob'yasnitel'nyy slovar' [The most interesting proverbs about the family in Indonesian and Russian culture. Ideographic explanatory dictionary]. Indoneziya. Bandung, Umpad Press, 2018. 150 p.
24. Qiu Xueying, Yakimenko N.E. Slovar' paremy russkogo i kitayskogo yazykov o trude i leni. Uchebnyy lingvokul'turologičeskij slovar' [Dictionary of proverbs of Russian and Chinese languages about labor and laziness. Educational linguoculturological dictionary]. St. Petersburg, 2021. 111 p.
25. Feylina Mitsziti, Tsuy Lulu, Yakimenko N.E. Russko-kitayskiy slovar' perifraz. Uchebnyy lingvokul'turologičeskij slovar' [Russian-Chinese dictionary of paraphrases. Educational linguoculturological dictionary]. St. Petersburg, 2021. 103 p.
26. Ani Rakhmat, Yakimenko N.E. Nazvaniya zhivotnykh v poslovitsakh i pogovorkakh russkogo i indonezijskogo yazykov. Lingvokul'turologičeskij slovar' [Names of animals in proverbs and sayings of the Russian and Indonesian languages. Linguistic and cultural dictionary]. Indoneziya. Bandung, 2021. 230 p.
27. Ani Rakhmat, Yakimenko N.E. Fitonimy v poslovitsakh i pogovorkakh russkogo i indonezijskogo yazykov. Lingvokul'turologičeskij slovar' [Phytonyms in proverbs and sayings of the Russian and Indonesian languages. Linguistic and cultural dictionary]. Indoneziya. Bandung, 2021. 160 p.

Pisarskaya T.R., Kho Syaotszyun, Yakimenko N.E. Russian paremias and omens with an ornithonym component in the educational linguocultural dictionary: Description techniques. Cultural linguistics is a relatively young science that develops its own terminological apparatus and masters new ways of describing phraseological material. The axiological vector, the mental attitudes of culture, the cultural code are terms whose meaning is specified on a particular linguistic material. Paremias and omens with a ornithonym component are considered as a means of representing the culture of the Russian and Chinese languages. The purpose of describing the linguoculturological potential of ornithonyms is to determine the scope of the description of these units in the educational dictionary. In this article, the results of the modern definition of such terms as linguoculturology, linguoculturography, view of the world, ornithonym, proverb, omen, internal form of phraseological unit, linguoculturological analysis, mental attitudes of culture, ornithonym axiological vector are presented. The author raises the question of the need to describe the axiological vector of an ornithonym that reflects the changes which have occurred as a result of the loss of the religious component in the mythological structure of the concept (on the example of the following ornithonyms: pigeon/dove, sparrow. It is alleged that the definition of evaluative connotation should be based not only on literary and dictionary materials, but also on the results of a survey of native speakers. It is proved that dictionaries of a linguocultural type should contain information based on the results of a preliminary linguocultural analysis of proverbs, and more importantly, omens. For a linguocultural type dictionary, it is crucial not only to describe linguistic and cultural lacunae, but also to compare units of two languages with a high nominative density (swallow, swan).

Keywords: paremia, proverb, omen, ornithonym, educational dictionary, linguoculturography, mythological image, stereotypical representation.

Сведения об авторах. Тамара Радомировна Писарская — кандидат философских наук, ст. преподаватель; Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики под научно-методическим руководством ООИ РАН; ORCID: 0000-0002-5974-3736; tamara.tamrad@gmail.com; Надежда Егоровна Якименко — кандидат педагогических наук, доцент, кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания; Санкт-Петербургский государственный университет; ORCID: 0000-0002-4191-6774; yak.nadega@mail.ru; Хо Сяоцзун — аспирантка, кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания; Санкт-Петербургский государственный университет; ORCID: 0000-0002-0391-7354; syaotszyun.ho@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.02.2022. Принята к публикации 01.03.2022.

Ссылка на эту статью: Писарская Т.Р., Хо Сяоцзун, Якименко Н.Е. Русские паремии и приметы с компонентом-орнитонимом в учебном лингвокультурологическом словаре. Способы описания (на фоне китайского языка) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 2(41). С. 212-218. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.2(41).212-218

For citation: Pisarskaya T.R., Kho Syaotszyun, Yakimenko N.E. Russian paremias and omens with an ornithonym component in the educational linguocultural dictionary: Description techniques. *Memoirs of NovSU*, 2022, no. 2(41), pp. 212-218. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.2(41).212-218